

ОХОТНИК

на БПЛА

— Автор: —
Сергей Шкребка

Изнанка Рая

Сергей Шкребка
Охотник на БПЛА

«Автор»

2026

Шкребка С. А.

Охотник на БПЛА / С. А. Шкребка — «Автор»,
2026 — (Изнанка Рая)

Представь что ты пилот сверхсовременного вертолета. Но Боевой «Охотник» видит «смайлы», ракеты спорят, кто полетит первым, а навигатор прокладывает курс в никуда. Всё потому, что какой-то мальчишка из параллельного мира случайно взломал систему через старую видеокарту. Теперь у тебя почти нет времени, чтобы:— утихомирить истеричный радар,— объяснить оптике, что пионы — это не цель,— и не дать коту (да, коту!) стать военной доктриной. Читай быстрее: пока «Охотник» не начал задавать философские вопросы, а ракеты — писать стихи. И помни: если замигает директива «Альфа-Бассейн» — просто налей коту молока. «Автор идеи — Шамурина Наталья». Специальная номинация АО «ЗАСЛОН»

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Изделие со смайлами	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Шкробка

Охотник на БПЛА

*«Любая достаточно развитая
технология неотличима от магии. А
любое достаточно развитое оружие
неотлично от пациента
психиатрической клиники».*

Автор

Пролог

Далеко отсюда, за гранью, отделяющей мира, в маленькой больничной палате с плотно задёрнутыми шторами играя в компьютерную игру сидел мальчик, которому было около девяти лет.

За окном шумел город. Его ровесники гоняли мяч на футбольных площадках, смеялись, разбивали коленки. Но этот мальчик, был навсегда прикован к инвалидной коляске. Его жизнь разделилась на “до” и “после” той роковой аварии, унёсшей жизни его родителей и отнявшей у него здоровье. Теперь весь его мир умещался в коробке кустарно собранного системного блока, который, между болезненными процедурами, стал единственным развлечением, способом поддерживать связь с внешним миром. Постоянные поломки превратили компьютер в питомца-инвалида, которому нужно внимание, ремонт и перепайка деталей плат, чтобы он работал и позволял мальчику забыть о своём плачевном состоянии здоровья.

Медперсонал его жалел. Врачи и сёстры видели, как он часами возится с внутренностями компьютера, когда тот в очередной раз сбоил. И молча, вопреки инструкциям, разрешали раскладывать на больничной тумбочке паяльник, провода и платы.

— Пусть будет занят, — говорила старшая медсестра, морщась от запаха горелой канифоли. — Ему и так от жизни досталось.

Мальчик не предполагал, что три месяца назад, перепаяв контакт на старой видеокарте, он оставил свисать крошечный оголённый проводок приливший к свежему припою. Благодаря случайному совпадению длины и положения относительно кварцевого резонатора, тот стал антенной, способной прошить ткань реальности. Дрожащими руками мальчик вставил деталь и запустил систему. Монитор, до этого показывавший лишь рябь помех, моргнул и ожил.

После апгрейда компьютер жил своей жизнью. Файлы открывались мгновенно, а в углу экрана иногда мелькали образы, которых не должно существовать в операционной системе. Перед ребёнком открылся путь в цифровые просторы, где каждый клик мог иметь неожиданные последствия.

Мальчик запустил любимый авиа-симулятор, в котором до последнего винтика знал все виртуальные машины и с закрытыми глазами мог пилотировать на любом уровне сложности. После апгрейда среди иконок знакомых машин появился новый аппарат, к которому он никак не мог получить доступ. Строка состояния равнодушно сообщала: «Нейроинтерфейс заблокирован. Ручное управление недоступно. Требуется ключ синхронизации». Он пробовал все комбинации клавиш, какие только знал, вводил пароли из скрытых меню, стучал по буферам обмена, пытался обойти интерфейс через консоль, пытался обмануть систему, нажимая самые замысловатые сочетания клавиш. И однажды в ответ на такую дерзость аппарат на экране медленно развернул кабину, похожую на фасетчатый глаз гигантского насекомого, и уставился прямо на мальчика, словно разглядывал его сквозь монитор. Через время на экране вспыхнула

трёхмерная проекция кабины, но вместо знакомых элементов управления появилась совершенно незнакомая приборная панель.

А в тот роковой день в углу экрана появилась стая юрких светлячков, целый рой крошечных дронов услужливо подсветил иконку полного доступа. Мальчик, не веря удаче, кликнул, рой послушно рассыпался по экрану, и он с головой ушёл в новую игру, забыв и про мрачный вертолёт, и про его неподвижный фасетчатый глаз.

Через две уже минуты он планировал выйти из игры и отправиться на лечебные процедуры. Он не знал, что до момента, когда сверхсовременная боевая машина из другого мира примет решение уничтожить источник сигнала, оставалось всего четырнадцать секунд.

В другом мире мой вечер обещал быть уютным и предсказуемым.

Я, Саныч, инженер советской закалки, волею случая, оказавшийся специалистом компании «Заслон» по паранормальным явлениям, находился на курорте «Улётный шиш». Это место в параллельном Реалу мире мы с друзьями называли «Изнанкой рая».

Солнце наполовину утонуло в океане. На черепичных крышах бунгало, выбирая места для вечерних посиделок, устраивались драконы. А я сидел в шезлонге на берегу и ждал главного события вечера.

Сегодня гном Тортинус презентовал своё новое творение. Рецепт ему подсказал наш студент Пашка Землянов и по совместительству, гениальный математик, умеющий переводить магические законы на язык обычных формул и обратно.

— Саныч! — раздался крик из бунгало. — Тортик вскрывает первую бочку!

Голос принадлежал Лареэндилю, эльф-сёрферу и номинальному владельцу «Улётного шиша». После случая, когда я восстановил в этом мире магию, местные решили, что лучший способ отблагодарить инженера, это отдать ему контрольный пакет акций курорта.

— Иду! — крикнул я, даже не пошевелившись.

Моя жена Айви, сидя рядом в плетёном кресле, усмехнулась.

— Ты уже полчаса «идёшь».

— Я инженер и делаю всё основательно.

— Врёшь. Ждёшь, пока схлынет первая пенная волна, чтобы не пить одну пену.

— Ну и это тоже, — согласился я. — Но главное — смотрю на закат.

— И о чём думаешь?

Айви почувствовала моё настроение. Ещё бы, она Эльфийка, к тому же глава службы безопасности этого мира, а так же красавица, от которой у меня до сих пор перехватывает дыхание. Уже год прошёл со дня свадьбы, а я всё ещё не привык, что она моя.

— О молодости, — сказал я наконец. — Вспомнил своё первое изделие. Девяносто шестой год. Запал для промышленных взрывателей. Испытывали на заброшенном карьере. Один заряд сдетонировал нештатно. Осколками посекло мальчишек, купающихся в карьере. Мы их не заметили, они выжили, но... — я замолчал, глядя на темнеющую воду. — Я потом год не мог спать. Мне было всего двадцать два года, а я создал то, что должно было дробить плотную каменную породу. Но из-за моей невнимательности чуть не убил невиновных детей.

Айви не стала говорить банальное «ты не виноват». Она знала: такие раны словами не лечат. Её прохладные пальцы накрыли мою ладонь, и напряжение медленно отпустило.

— Ты поэтому ушёл из оборонки?

— Одна из причин. Хотел создавать только нелетальные защитные системы, но получалось... по-разному. Ты же помнишь «Изделие 757-АС» и чем оно обернулось для твоего мира.

Воздух наполнился запахом свежего хмеля. Когда Тортинус варил новое пиво, вся «Изнанка Рая» замирала в предвкушении праздника. Его «Громовая Пятка» держала марку

лучшего напитка в нескольких знакомых мне мирах, а новый рецепт, судя по клубам пара, обещал перевернуть представления о физике вкусов.

— Ладно, пошли, — сказал я, поднимаясь. — А то Тортик действительно обидится.

— Тортик серьёзно обидится, если ты не оценишь его «квантовое послевкусие», — пролетая мимо, высказалась фея Лориэль, с подносом чистых кружек. — Ваш Пашка ему такие формулы вывел! Гном клянётся, что теперь его пиво существует во всех агрегатных состояниях одновременно, пока его не выпьешь.

Мы с Айви переглянулись. Такого количества научных терминов Лориэль не могла выговорить никогда, её словарный запас не сильно отличался от Элочки-Людоедочки из знаменитых «12 стульев».

— Вот что бывает, когда математика пускают в пивоварню, — сказал я.

— Ты, между прочим, сам его туда отправил, — напомнила она.

— Я думал, он просто рецептуру поможет улучшить. А он, оказывается, квантовую физику гному в голову вложил. Теперь у нас тут не пивоварня, а филиал ЦЕРНа.

Мы пошли вдоль пирса. В тёплом воздухе витал солёный запах океана, цветущего плюща и дрожжей. Я уже предвкушал первую кружку...

Как у меня в кармане неожиданно завибрировал кристалл связи с Реалом.

Я и Айви, сразу почувствовали неладное.

— Александр Сергеевич, — раздался из кристалла голос Веры Альбертовны. Одно только обращение по имени отчеству означало, что дегустация пива на сегодня отменяется.

Вера Альбертовна никогда не звонила по пустякам. А если звонила вечером, когда у неё самой должен быть законный отдых, значит, случилось что-то, экстраординарное.

— Слушаю, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

— Срочный вызов. Завтра утром нужна твоя консультация в «Заслоне». Ты нам нужен, потому что если всё пойдёт не по плану, командование паранормальной фазой испытаний переходит к тебе.

— Что случилось?

— Новый проект. «Охотник на БПЛА». Авиационный комплекс перехвата. Ты, что не читал документацию?

Я мысленно перебрал в голове кипу бумаг, которую мне переслали неделю назад. Успел пролистать некоторые по диагонали. Что-то про вертолёт, про систему наведения и искусственный интеллект.

— Читал, — соврал я. — В общих чертах.

— Вот и отлично. Завтра в девять на полигоне для испытаний. Пропуск уже заказан. И Саньч...

— Да?

— Возьми с собой всё, что может понадобится для нестандартной диагностики. Все свои... э-э-э... инструменты. И магические, и обычные.

— Думаете, понадобится?

— Не знаю, — призналась она. — Но у нас тут... почти незаметные странности, мелкие, но что поделаться, они есть.

— Понял. Буду.

Кристалл связи отключился.

Я стоял на полпути от пирса к фуршету и чувствовал, как внутри закипает знакомое чувство, которое у меня случается всякий раз, когда я получаю в руки сложное задание и понимаю, что в переплетении линий и цифр, прячется ошибка. И если её не найти то всё пойдёт наперекосяк.

— Я соберу твои инструменты.

— Спасибо.

Айви ушла в бунгало, а я ещё с минуту постоял на берегу. В «Улётном Шише», открывали бочки пива, звенели кружками, смеялись. А мне до утра предстояло внимательно ознакомиться с документами и завтра с утра лезть в железное нутро очередного «чуда техники», что бы искать то, не знаю что. Ну что ж. Не в первый раз.

Я догнал супругу у двери.

— Наверное, не зря в памяти всплыл тот случай с карьером, — тихо сказал я. — Каждый раз думаю: «В этот раз всё будет правильно». И каждый раз...

Она прижалась щекой к моему плечу.

— Ты боишься снова причинить вред?

— Я боюсь, что всё, к чему я прикасаюсь, рано или поздно обращается против жизни. Те мальчишки просто играли. Я снова могу не увидеть всех, кто может попасть под удар, и я бессилён это остановить.

Айви подняла на меня глаза, в которых отражался закат.

— Тогда не пытайся создать идеальное оружие, Саныч. Дай машине способность сомневаться. Пусть она лучше промахнётся, чем попадёт в невиновного.

Я думал о том, что утром в мои руки попадёт машина, созданная убивать, а цена ошибки измеряется в жизнях.

Глава 1. Изделие со смайлами

От испытательного ангара исходил аромат, от которого у любого нормального инженера начинает щемить под ложечкой. Смесь керосина, гидравлической жидкости и ещё не знаю, как это описать словами, того, что бывает только в помещениях, где собирают летательные аппараты. Скажем так: пахнет будущим, которое вот-вот оторвётся от земли.

Засунув руки в карманы старой рабочей куртки, я разглядывал «Охотника на БПЛА». Он, подсвеченный прожекторами, как экспонат в музее, возвышался в центре ангара. Только этот экспонат мог за пару минут превратить в решето всё, что летает, и даже то, что только собирается взлететь.

— Ну, здравствуй, красавец, — пробормотал я себе под нос.

«Охотник» с инженерной точки зрения был по-настоящему красив. Хищные обводы фюзеляжа, угловатая кабина, две здоровенные турели под крыльями и россыпь антенн на хвосте. Всё это великолепие было выкрашено в матово-серый цвет, и только на борту красовалась свежая, на полтона темнее, надпись: «Охотник. Опытный образец №1».

За спиной послышались шаги. Ко мне подходил высокий, подтянутый, с короткой стрижкой и внимательными серыми глазами молодой парень в лётном комбинезоне. На груди красовалась нашивка с фамилией «Ветров» и знак классности. Капитан, значит. Молодой, а уже капитан. Либо гений, либо везунчик. А скорее всего, и то и другое.

— Александр Сергеевич? — он остановился в паре шагов, явно не зная, как себя вести. — Меня зовут Игорь Ветров. Я главный инженер-испытатель этого проекта.

Я знал, кто он. Вера Альбертовна ещё вчера скинула мне его досье. Молодой, талантливый, лучший на курсе. Но с одним важным нюансом: к «расширенному протоколу» он допущен не был. Слишком свежая голова, слишком мало странного в послужном списке. Для него «Охотник» всё ещё был просто вертолётom.

— Он самый, — я протянул руку. — Можно просто Саныч.

Он пожал мою ладонь, и я отметил, что рукопожатие у него крепкое. Так жмут руку люди, которые привыкли работать, а не красоваться.

— Для меня большая честь, — сказал Ветров. — Я читал ваши статьи про «Изделие 757-АС» и про... э-э-э... испытания. — Он чуть запнулся. — Очень нестандартный подход.

— Нестандартный, — хмыкнул я. — Хотя я пишу отчёты о реальных испытаниях, но, скажем так, в не совсем традиционных полевых условиях.

Ветров почти по-детски улыбнулся, а я поймал себя на мысли, что этот парень чем-то напоминает мне Пашку. Та же смесь амбиций и неуверенности. Он с восторгом, смешанным со страхом, смотрел на «Охотника», как Пашка на новую интегральную схему, будто эта штука сейчас оживёт. Такой горящий взгляд бывает у по-настоящему влюблённых в своё дело профессионалов.

— Ну что, капитан, — я кивнул в сторону вертолётa. — Показывай своё хозяйство.

Пока Ветров рассказывал, мы по кругу обошли летательный аппарат. Он говорил увлечённо, быстро, иногда перескакивая с технических деталей на общие рассуждения и обратно. Я слушал вполуха, потому что большую часть характеристик знал из присланных Верой Альбертовной документов, но перебивать не стал. Когда человек горит своим делом, это надо поощрять.

— ...система наведения многоконтурная, — вещал Ветров, похлопывая ладонью по обтекателю радара. — Радиолокационный контур вот здесь, под носовым обтекателем. Оптико-электронная станция в подфюзеляжном контейнере. Навигация автономная, с коррекцией по спутникам и наземным маякам. И конечно, центральный ИИ, который связывает всё воедино.

— ИИ, — повторил я. — И насколько он... самостоятельный?

— В этом и фишка этого проекта! — энтузиазма в глазах Ветрова прибавилось. — Каждая подсистема обладает собственным алгоритмическим характером. И они... как бы спорят друг с другом.

— Спорят?

— Ну да. Вот смотрите. — Он подошёл к стойке с диагностическим планшетом и активировал экран. — Допустим, радар сообщает: «Цель обнаружена. Вижу сигнатуру. Это БПЛА класса "Феникс". Рекомендую атаку». Оптика визуально изучает обнаруженную цель и возражает: «Подтверди, я пока не уверена, визуально выглядит как самолёт малой авиации типа ТВС2-ДТС». Навигация вклинивается: «Смените позицию на четыре целых шестнадцать сотых градуса, с данной позиции невозможно провести запуск ракет по цели со 100% гарантией уничтожения». А ракеты...

— А что ракеты?

— А ракеты, Александр Сергеевич, спорят, кто из них полетит первой.

Я присвистнул.

— Ничего себе. И кто их мирит?

— Центральный ИИ. Но иногда ему приходится нелегко. Особенно если вводные противоречивые.

Я подошёл ближе к «Охотнику». Положил ладонь на холодный металл обшивки и по старой привычке, которая осталась со времён работы на заводе, закрыл глаза. Любой механизм можно почувствовать. Когда имеешь дело с высокоточным оборудованием более двадцати лет, ты слышишь, как оно дышит, когда ему плохо, понимаешь, что скоро заклинит подшипник или перегорит плата. Это опыт и интуиция. Наш «Охотник» дышал ровно, но с напряжением, которое я не мог до конца определить.

— Хорошая машина, — сказал я, открывая глаза. — Умная, но нервная.

— Нервная? — удивился Ветров.

— А ты сам прислушайся. Вон, слышишь? Генератор на доли герца гудит с перебоями. Это не неисправность, это характер. Она как молодой, ещё не обкатанный, но уже с норовом конь.

Ветров прислушался. Я видел, что он ничего не слышит, но кивает из вежливости.

— Ладно, капитан, — я хлопнул его по плечу. — Давай будем смотреть его внутренности.

Для меня в кабине было тесновато. Я с трудом втиснулся в кресло второго пилота, поправил наушники и огляделся. Приборы, дисплеи, тумблеры — всё новенькое и пахнет свежим пластиком.

— Телеметрия сейчас в пассивном режиме, — Ветров сидел в командирском кресле и щёлкал переключателями. — Можем запустить диагностику. Посмотрите, как общаются между собой подсистемы.

— Запускай.

Он нажал несколько кнопок, и дисплеи ожили, по ним побежали графики и строчки служебной информации. Я смотрел на эту феерию данных и чувствовал себя дома. За полтора года в «Улётном Шише» я уже привык к магии, эльфам и говорящим котам, но стоило увидеть нормальную инженерную телеметрию, и сердце забилось чаще.

— Вот, смотрите, — Ветров указал на экран, где в реальном времени отображались логи подсистем. — Сейчас оптика запрашивает подтверждение у радара. Радар подтверждает. Навигация молчит, её пока не трогают.

Я наблюдал за переключкой систем. Действительно, все системы работали как командирские часы «Чайка». Но своей инженерной интуицией я ловил смутное ощущение, будто в идеально слаженном оркестре кто-то сфальшивил на долю тона. Я напрягся, вглядываясь в экран.

— Стоп. Отмотай. Вот здесь.

Ветров прокрутил логи назад. Я ткнул пальцем в строчку.

— Оптико-электронная станция зафиксировала нештатный сигнал. Всего на долю секунды. Видишь? Она написала «Object_42: Smile detected». Капитан, а объект сорок два — это что?

— Smile? — Ветров нахмурился. — Улыбка? Пустой идентификатор. Система зарезервировала его под неопознанные сигналы. Кто ей вообще такие слова в прошивку добавил?

— Вот и я думаю — кто? Система боевого вертолётa не должна оперировать терминами вроде «улыбка». Это не камера наблюдения в супермаркете.

— Может, глюк? — предположил Ветров. — Гроза вчера была, или электромагнитные помехи... вспышка класса «А» на солнце недавно была.

— Может, и глюк, — согласился я.

Я не знал, что в этот самый момент за гранью, отделяющей мира, в маленькой больничной палате сидит мальчик, чей самодельный компьютер только что отправил в эфир очередной сигнал. И что именно этот сигнал поймал радар «Охотника».

Я привык доверять интуиции, а за то время работы с магией это чувство во мне только укрепилось. И сейчас моя интуиция орала благим матом.

— Давай-ка ещё раз прогоним диагностику. По полному циклу. И подключи резервный канал телеметрии.

— Сделаем, — кивнул Ветров.

Второй прогон ничего не дал. Система работала идеально. Никаких «улыбок», никаких посторонних сигналов. Я уже начал сомневаться, не показалось ли мне, но тут ожил мой кристалл связи.

— Саныч, — раздался в наушнике голос Айви. — Ты где?

— В ангаре, — ответил я, прикрывая микрофон рукой. — Знакомлюсь с «Охотником».

— Поняла. Тут Элрондор пришёл. Говорит, у него странное ощущение. Будто кто-то не так давно применил заклинание пробоя с Реалом.

— Заклинание пробоя?

— Да. Он уверен. Говорит, источник выхода где-то рядом с полигоном «Заслона».

— Понял, — сказал я в кристалл.

— Что-то случилось? — спросил Ветров.

— Пока не знаю, — честно ответил я. — Но, кажется, твоя машина решила проявить характер чуть раньше, чем мы планировали. Капитан, у меня к тебе неофициальная просьба.

— Слушаю.

— Когда будешь проводить калибровку оптики, добавь в тестовый цикл пару нестандартных мишеней. Ну, знаешь, что-нибудь совсем уж необычное. Картинку кота, например, дракона или ребёнка.

— Дракона? — Ветров удивлённо поднял бровь. — Зачем? Мы что, по драконам стрелять будем?

— Не будем, они по большей части добродушные, — усмехнулся я. — Но, как показывает практика, лучше быть готовым ко всему. Особенно когда имеешь дело с техникой, которая видит то, чего не видишь ты.

Выходя из ангара, я обернулся на «Охотника», и мне показалось, что это чудо техники мне улыбнулось.

Из ангара я вышел в смешанных чувствах. С одной стороны, агрегат, без дураков, представлял из себя шедевр инженерной мысли, но с другой, в нём было что-то не так, на грани между расчётом и интуицией.

У входа в ангар меня ждал мой старый друг Петруха из дочерней компании «Синтез». Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел в небо с видом, будто решал в уме сложное дифференциальное уравнение.

— Привет, — сказал я. — А ты чего здесь?

— Да так, — отмахнулся он. — Проверял кое-что. Саныч, ты не замечал, что в последнее время порталные выбросы участились?

— Не замечал, а что?

— А то, — Петруха понизил голос, — а считаю, что это не случайность. Какая-то третья сила, как бы... пытается нащупать путь из параллельного мира в наш.

Я вспомнил «улыбку» в логах и заклинание пробива, о котором сообщил Элрондор. Совпадения? Я инженер и не верю в совпадения.

— Петруха, — сказал я. — Насколько я знаю, ваша компания занимается разработкой роя БПЛА. Когда он у вас будет готов для испытаний?

— А что?

— Он что, уже готов?

— Почти. Через недельку планирую обкатывать.

— Отлично. Только знаешь что, придержи ка на месяц, а мы пока узнаем, кто там улыбается нашему «Охотнику».

— В смысле улыбается? Ты чего задумал, Саныч?

— Пока ничего конкретного. Просто мне кажется... если уж испытывать нервную машину с паранормальными наклонностями, то лучше делать это с теми, кто знает, что это такое и с чем его едят.

— Ты про меня, что ли?

— Я про нас, — я хлопнул его по плечу. — Про всю нашу команду. Если что-то пойдёт не так, мы хотя бы не будем удивляться.

Ветров догнал меня уже на выходе с полигона. Он размахивал планшетом и выглядел взволнованным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.